

От редакции. Помимо авторов, ставших постоянными, «Амур» каждый раз старается представить на суд читателей новых, ранее у нас не печатавшихся. В этом году одним из таких «новичков» стал Александр Маликов – нынешний триумфатор, лауреат Амурской премии в области литературы и искусства, кстати, выпускник нашего вуза. Главными из его нового романа «Сам себе волк», который сейчас готовится к печати, мы открываем рубрику. Проза А. Маликова – одно из самых ярких и многообещающих явлений современной дальневосточной литературы, в чём наши читатели, надеемся, убедятся.

Способностью увлечь своих читателей обладает и постоянный наш автор Гульчера Быкова – мастер соединения художественного и мемуарного начал, беллетристики и эссеистики. Верна своему творческому принципу она и в предлагаемой подборке: оба произведения основаны на документальном материале. Деятельность учёного-лингвиста в них показана как увлекательное, полное испытаний, самоотверженное и отчасти авантюрное приключение. Воспоминания о начале проекта по спасению исчезающего языка амурских эвенков с художественной прозой роднит живописность описаний, умение создавать яркие образы героев, виртуозно закрученный сюжет.

Воспоминания о стоянке в марсельском порту образуют сюжетный строй рассказа Станислава Сахончика – ещё одного нашего постоянного автора, писателя-мариниста. Заплетая в единую канву башни замка Иф, эпизод «разгула французской демократии», «ангелочка с крылышками», «опасную по тем временам просьбу» старика-эмигранта, рассказчик погружает читателей в ностальгическую атмосферу советского прошлого, в котором было место и бесшабашности, и дружбе, и верности слову.

Филигранное плетение словесных узоров отличает прозу Ольги Крутиковой, печатающейся в «Амуре» с первого номера (тогда под фамилией Селезнёва). В новом рассказе она словно бы танцует на грани между сном и явью, зазеркальем и бытом, тем и этим мирами. Как в волшебном зеркале, здесь всё так зыбко и вместе с тем драматично, что эмоции захлёстывают читателя. Но умело рассыпанные в тексте детали не дают перешагнуть грань, за которую Ангел уносит замотанную «в белое вафельное полотенце» душу героини-повествовательницы.

А вот «картинки с натуры» Павла Савинкина, прежде печатавшего у нас литературные портреты писателей-земляков, к амурской реальности имеют отношение самое прямое. Под пером стилистически очень своеобразного автора рождаются колоритные образы деятелей культуры: легендарного хормейстера, театрального режиссёра, актёра, художников и т.д.

О необычной исследовательнице коренных народов Севера рассказывает Виктор Рыльский. Как профессору-француженке удалось осуществить свою мечту, что такое уникальная «Таёжная школа» и в чём её преимущества – читайте об этом в очерке «На пути к таёжной школе».

Школьную тему продолжает рассказ-быль Светланы Машенко, в котором описан курьёзный случай из реальной практики, с юмором переданы особенности восприятия мира современными подростками, а заодно предлагается интересная методика преподавания истории в школе.

Думаем, каждый читатель найдет в рубрике что-то особенно приглянувшееся именно ему.

Александр МАЛИКОВ

выпускник факультета физического воспитания и спорта БГПИ 1984 года

В альманахе «Амур» печатаюсь впервые, поэтому, наверное, есть смысл рассказать (напомнить) о себе.

Родился в 1959-м на станции Арга. Окончил школу № 9 в Свободном. Служил в ВМФ во Владивостоке и на Камчатке. Демобилизовавшись, поступил на факультет физвоспитания и спорта БГПИ. Главные в студенческие годы и потом (кого добрым словом обязательно вспоминаешь в короткие ежегодные встречи выпускников) – старшие товарищи – преподаватели, а ещё папа с мамой. Мама, понятно, Таисия Денисовна Башмакова, декан, всегда понимающий и прощающий мелкие прегрешения и житейские слабости, мудрый наставник, неназойливый учитель по жизни. А папа – куратор курса Владимир Ионович Новиков, позывной – Босс. Подхватив на предвыпускном, без излишней суеты наш харизматичный Босс довёл изрядно поредевший строй курса до дипломов, не отдав, кажется, ни одного. А сколь академичным выглядел на зимних сборах в Бузулях его показ техники бега на лыжах... в валенках 45 размера! Такое не забудешь. Симпатичные, душевные наши преподаватели... В числе наиболее ярких впечатлений за четыре года – бамовские стройотряды; поднимали и рихтовали однопутку в районе станций Ларба, Дюгабуль и Чильчи, это на западном участке всенародной стройки. Пописывал в газету «За педагогические кадры». В отличниках не числился, но, как всякий квалифицированный легкоатлет и лыжник, специализирующийся на длинных дистанциях, на финише «набежал» и «госы» сдал на пятёрки. Кстати, о длинных дистанциях: говорят, мой юношеский областной рекорд на 10 км с 1977 г. не побит до сих пор!

...Потом трёхлетний трудовод в школе, переход в бригаду строителей на более высокую зарплату, следом выборная должность (мужики на отчётно-перевыборном профсоюзном собрании бросили меня на борьбу с «директором-узурпатором»), далее нешугочный временной отрезок жизни, посвящённый работе в областных газетах «Амурские вести», «Амурская правда» и других. Иногда двадцатилетняя газетная рутинка, эта, как считают некоторые маньяки, сладкая каторга волевым усилием прерывалась сезоном работы в артелях старателей на золотодобыче на севере области. Таких сезонов набралось три. Впрочем, продолжил экспериментировать со своей жизнью и далее. Иначе откуда бы взяться материалу для рассказов, повестей и романов?

Не без удовольствия и самоиронии замечу следующее: мой первый литературный опыт был опубликован в региональной газете, когда едва исполнилось 10 лет. Валентина Васильевна Просяк, школьная учительница, тёплым сентябрьским вечером оставила 4 «А» переписывать первое сочинение, поскольку была разочарована результатами написанного накануне. Похоже, моё «произведение» получилось столь авантюрным по форме и столь нахально экспериментальным, столь самостоятельным, что ничтоже сумняшеся «пошло по рукам». Сначала, заглянув на уроке в класс, тетрадь брали училки из параллельных классов,

затем более старших, пока не дошло до совсем уж старших. Юный автор смутно догадывался: то демонстрировали недорослям, как делать не следует. Но это уже была первая слава. Вдохновлённый, я продолжил экспериментировать, и по-прежнему мне ничего за это не было, словом, выскочку классная мама терпела. Всё закончилось в классе пятом, когда нас передали группе учителей. Стремление к неоправданным экспериментам настоящие филологи задушили в корне. И поделом. Ребёнка показать бы узкопрофильным докторам, поскольку вирус поселился в человечке прочно, и это было очевидно. Меня с переменным успехом лечили учителя, средства оказались паллиативными, ну и вирус оказался на редкость живуч. Через двадцать лет в коллективном сборнике «Приамурье моё» была опубликована первая повесть «Брат артиста». В сборниках я – молодой, со стремительно редющей шевелюрой автор – публиковал свои опыты не часто, мне, видите ли, хотелось книгу. За повесть «Завтрак Аристократа» (1992), вышедшую скромной книгой в мягкой обложке, был удостоен премии им. Григория Федосеева. Впрочем, не расстарался и успехом «не окрылился». Десять лет пришлось ждать наблюдателям литературного процесса в Приамурье, когда некто А. Маликов вновь подаст голос. В 2005 г. всероссийский литературно-художественный «толстый» журнал «Дальний Восток» начал публиковать первую часть романа «Сам себе волк» (№№ 5–6 за 2005 и 1–2 за 2006) и удостоил автора премии «За лучшее прозаическое произведение года». С той поры прошло всего-то 10 лет, и книга уже свёрстана, готова к изданию. Она включает два романа: «Золотая пыль» и «Лариоша. Частная жизнь», объединённых одними сюжетными линиями и героями. Книга будет издана ориентировочно в начале следующего года издательской командой А.В. Телока, тоже выпускника нашего вуза, кандидата философских наук, между прочим; ныне предпринимателя. Той же самой издательской командой, которая готовила к выходу в свет мой сборник рассказов «Острое чувство», вышедший в октябре 2014 г.; за эту книгу автор удостоен премии губернатора Амурской области.

Проживаю неподалеку от областного центра – в Чигирях, где построил просторный дом, тоже своего рода амбициозный проект. И это нешуточно – на десятилетие – подвинуло все мои литературные амбиции. Словом, жив чертяка-вирус, и, похоже, это не лечится.

Необходимое пояснение для читателей предлагаемого отрывка из книги: Ч – ирреальное, бестелесое, человекоподобное существо, сопровождающее главного героя в его взрослой жизни (на протяжении всех 600 страниц), которое этот самый главный герой поначалу принимает за ангела-хранителя, как известно, полагающегося всем «конкретным пацанам» (так в тексте).

А. Маликов

САМ СЕБЕ ВОЛК

Главы из нового романа

Охота на реву

... Уж поверьте на слово: не хотел я ехать на охоту в изюбриные покати в Архаринском районе. Я в Благовещенске. Плетнёв дозвонился из Европы, сообщил, что медицинское обследование Сеаты Алексеевны проведено полное, ремиссия по всем позициям. Следовало бы подождать Сеату и Плетнёва. Но охота на реву – как слетать в космос! Взять красавца изюбря во время гона, пригласив его, требует терпения и ещё раз терпения. А времени немного. Серёгину квартиру продали сверхбыстро. Милины пацаны понуро носили добро с третьего этажа в грузовик, а на займке многое пришлось затаскивать на мансарду. Добра Сергей нажил немало, ну и Милькино кое-какое барахло, да шумульё мальчишек. Оптимизм ребят улетучился моментально. Дошло до крайности: младший уже после того, как снесли с третьего этажа городского дома сейф, набитый оружием Фаскудинова, захотел в школу к ненавистной математичке. В кои-то веки! До вечера кое-как управились. На мою квартиру риелторы уже нашли покупателя, показали ему товар лицом – «фатеру» в зломном отчаянии я скоблил да вылизывал без сна и отдыха, подклеивал обои, убив на ремонт неделю, так что покупатели остались довольны. Словом, можно ехать на Кавказ и решать вопрос.

... На крепкой «Тойоте» долетели до посёлка при въезде в тайгу за три часа. Водила всё время держал скорость от ста двадцати. Люди знакомые, но знакомство шапочное – не столь личное, сколь через Фаскудинова. От посёлка пошли на «уазике» вплоть до великолепной огромной мари, поросшей карликовой берёзой, с редкими бе-

рёзовыми колками. Кое-где торчат сухостойные листовянки, нормальная сырая изюбриная долина со скалистыми сопками. Компашка у нас отчаянно разношерстная. Есть даже один служитель культа. Вроде подьячий из бывших милиционеров. По приезде на место мужики стали раскладывать на капоте «уазика» снесь, выкатили бутылки, и началось обычное – с болтовнёй про прежние успехи, с брехнёй и правдой вперемешку. Приняли «по единой», ровно как завещал служитель культа. Подобрел от выпитого, принялись болтать про оружие, лапать жирными от сала и колбасы пятипальцами мой новенький «браунинг», дёргать затвор, щёлкать предохранителем. А затем пошли вопросы об останавливающей силе двенадцатиграммовой пули, её мощи и дизайне внушительного импортного патрона. Подобного святотатства над оружием не позволяю даже Фаскудинову, отчего получил прозвище «Дремучий кержак», которое, впрочем, в народ не пошло. Словом, у праздничного стола не задержался, взял карабин на ремень и отправился по знакомому маршруту – километров пятнадцать вкружную по тропе у подошвы сопки – сухо, удобно, радостно. Иду на душевном подъёме и люблюсь осенними красотами, срываю орехи лещины, подбираю на ходу ягоды шиповника, наклоняюсь и черпаю в ладонь ягоды брусники. Почти не думаю о Сеате. Чуть тревожно за Серёгу. Как он там? Ну, теперь уже скоро увидимся. Билеты на самолёт кое-как взял: перед кассой чуть было не подрались с мужиком, лицо которого показалось знакомым. Собственно, потому он и не огрёл. Всё-таки последнее время окорачиваю себя. Стараюсь нервишки держать в узде. Это пошло от Яриков. Спасибо им. Действительно, сле-

дует решать главное. А главное состоит в том, что Серёга влетел. Но теперь увидимся. Если останемся живы.

...Дошёл до местечка, где сосна, странным образом вырастая из тела сопки, смотрит вершинкой не вверх, а вбок. В раннем периоде, может, на десятый год, кто-то сломал ей верхушку, она обиделась, но жизнь берёт своё, и теперь вторым стволом, вернее, доминирующей веткой сосна глядит параллельно земле. Здесь, сидя будто в природном кресле, обычно отдыхаю, перед тем как продолжить путь или перед возвращением. Присел. Достав берестяной манок, приманываю изюбрей. Прodelываю это в течение получаса, и мне отозвались шесть или семь оленей. Рогоносцы отозвались сначала по очереди, потом вдруг начали сигналить двое-трое сразу. Будто громко, во всё горло жалуются друг на друга. Всё как у людей. Я посидел ещё. Подумал.

Живо вспомнилось, как «через ото» вёл разговор с отцом о продаже квартиры. Без этих денег Серёгу точно не вытащить. Когда отец в высшей степени волнения, то непременно приплетёт своё «ото». «Ты же, сынок, не забывай, ото, что у тебя есть ещё и сестрёнка родная, — намеренно врёт в ударе батя. — И у ей в той городской квартире самая что ни есть законная доля. Ладно, ладно, сынка, не маши руками. Оно понятно: Серёга друг тебе, ото. Но и сестра родная, — отец ещё раз приударил на первом слоге слова родная, — тоже, ото, не хухры-мухры...» Словом, ввёл отца в волнение. Куда спокойнее вела себя Сеата. Сашка Плетнёв, в очередной раз выйдя на связь со мной, получил задание спросить у Сеаты разрешения на продажу квартиры. «Почему?» — «Надо». И всё. Похоже, Сеата была рядом, совсем рядом, и не заставила себя долго ждать. «Она кивнула — да», — тотчас доложил Плетя. Что такое замутил Глыба, мне всё ещё непонятно. Ладно, если элементарно захотелось продемонстрировать свои новые возможности. Это я ещё могу простить другу детства и юности. Но не окажется ли, что, вернувшись из той Швейцарии, Сеата ничтоже сумняшеся предложит мне новую данность типа: «А это глыба моего нового счастья. Ах, да, вы же знакомы по Душковской восьмилетке...» И почему именно Швейцария? Кудесниками-врачами эта небольшая страна прежде вроде не славилась. Ладно бы соседняя Германия. Понятно, что в Альпах у Сашки берлога. Но и только. Чем он там её лечит? Воздухом да горными лыжами, что ли? Она ведь панически боится этих лыж. С тех самых пор, когда в институте перед выпуском сдавала в марте «хвост» с первого курса — зачёт по бегу на лыжах по земле на дистанции три километра. Было это при мне. Так что приходилось одной рукой держаться за живот от гомерического до истерического смеха, а другой, жалея, толкать со спины в пригорок, поскольку уже на втором километре перед небольшим подъёмом весь дух из неё вышел. Я даже заволновался в какой-то момент: выживет любимый человечек или сгорит на дистанции, как порох газеты.

...Дела-а-а. Встрял же Глыба там, где его не просили. Ладно, был я на Сахалине, а Сеатка прозябала одна. Но почему мне вменяют, что осталась одна без догляда? А подружки её, коим несть числа?! А мой отец, который в

этом смысле надёжнейший человек?! Хотя и недолюбливает он невестку, но, как человек в отношении детей жертвенный, всегда готов прийти на помощь. Это я вижу. Знаю отца. И потом Субботин уверил, мол, беспокоиться особо не о чем. Ремиссия! Словом, недоброе подумал о Плетнёве. Вот и кличку его из нашей общей юности вспомнил. Присвоил её Сашке, помнится, на областной олимпиаде по математике. В городской школе, куда я приехал учиться в девятом классе перед летними каникулами, милые наивные учителя поверили в мои дутые крестьянские пятёрки и отправили поспражаться на областную школьную олимпиаду.

...Сидим с Плетнёвым рядом, включили умняка, мудрим. Свои задачки под штампом облоно я кое-как порешал. Сижую маюсь, смотрю в окно, как неспешно по школьному двору перемещается хлебовозка. Отрываю взгляд от хлебовозки, уныло гляжу на листочки, понимая, что добавить качества моей работе на бумаге нечем. Без блеска. Куцая работа. Ну, думаю, хоть пирожков с повидлом с Сашкой нажрёмся, дарового чая нахлебамся. Знатные пирожки возят в первую школу. Настроение, прямо скажем, не очень. Сашка сопит, как обычно, разговаривает сам с собой, бухтит перепуганной совой, несуетно чёркает пером по бумаге. Нос от напряжённой умственной работы, как водится, покрыт испариной. Преподаватель делает Плетнёву замечание. Не за мокрый нос, за болтовню. Затем другое. Третье замечание. Я не выдержал и встрял: чего, мол, на человека наезжаете, стиль поведения у него такой, сельские учителя притерпелись, терпения и вам — чай, не каждый год у вас тут олимпиадит будущий нобелевский лауреат!.. Наблюдатели недобро посмотрели на меня, переглянулись. От Сашки отстали. Я бьюсь со смутно понимаемыми мной алгоритмами за городскую школу. Сашка — за Душковскую и за район наш «Десять лет без урожая», разумеется, тоже. Но вот закончил Плетя, отбухтел над своим и с благодарностью, привычно полез в мои проштемпелёванные листы бумаги, на которых я уже мысленно начал рисовать чертей. Словом, полноформатный вижубуй. Вот так, решительным росчерком расписавшись в собственном бессилии, сижу, мечтаю о пирожках. Между тем Саня кое-чего наковырял, накопытил и на моём бумажном пространстве. Сдали листочки, пошли хавать даровые пирожки и хлебать чай. Наевшись от пуза, отправились гулять на набережную. Сашку всю его невеликую жизнь удивляет, казалось, простая данность: за Амуром напротив Благовещенска целый китайский город. Всего в семистах метрах. «Это ж совсем другая жизнь. А история Поднебесной какая!» Через три часа награждение. Объявили результаты. Сашку дисквалифицировали за поведение. Хотя отметили качество работы. Он был не в претензии, поскольку ещё одно первое место и картонка с печатью облоно к его заслугам мало что добавили бы. А мне — второе место. Канало даже и первое. Однако не дали. Должно быть, из-за гипотетических чертей на проштампованной бумаге, то бишь — за некомсомольское поведение. Вот тогда я впервые и назвал Сашку Глыбой! Действительно, глыба. Он не спорил. И прозвище пошло в народ. «Ну, шо, сынок, — язвительно подначивая, встре-

тил меня отец, предельно ревниво отслеживающий мои успехи в науках и всё ещё на что-то совершенно эфемерное надевшийся, — у Глыбы, ото, снова медалёк, а тебе пожали руку?» Я с достоинством отчитался, вручив отцу «серебряную» грамоту. Батя вынул из футляра очки и принялся вчитываться в написанное на картонке, подкашливая, качая головой и цокая языком, как это у него бывает на душевном подъёме. Между тем мы с Сашкой свалили в Душки шипать перья нашим курицам. «...Ото...» — послышался вслед одобрителный крик. В следующий раз диплом я увидел уже на стене в отцовском кабинете в золочёной рамке рядом с единственной моей спортивной наградой — серебряной медалью. К слову, святой образ Ильича — рядом с моими наградами, на одном уровне — в деревянном крашеном багете. Подзреваю, батя чтит его до последнего, как следовало убеждённому партийцу.

«Ото», — прикинул я невесело, думая о Плетнёве, ну и о Сеатке, конечно, тоже.

...Программу-минимум выполнил — зверь есть, завтра с рогатыми познакомимся плотнее, пусть только просохнут мои спутники, и можно будет начать коллективную охоту. И тут раздались выстрелы от табора. Я понял так: водку съели, принялись дырять пулями консервные банки. И отправился в обратный путь. Иду и чую: рядом со мной есть ещё кто-то, неслышно идущий побочью, старающийся попасть со мной шаг в шаг. Сделалось тревожно. Стал оглядываться, менять ритм ходьбы и длину шага, чтобы расслышать, лучше почувствовать чужое присутствие. Точно, шагает. Вроде рядом, а потом вроде и нет. Вечереет. И как-то на душе муторно, жутковато. Дёрнул затвор, дослал патрон в ствол, держу палец на предохранителе. Может, росомаха меня пасёт? Определённо кто-то есть. И тут, глянув далеко вперёд, увидел: на камнях, которые я чуточку посунул пару-тройку часов назад, пытаюсь пробраться, чтобы не угодить в живенький ключик, бегущий из сердца сопочки, вроде сидит Ч. Я обмер. Где угодно, только не здесь. Какая-то злая картина, лютая, страшная. Подхожу. Нет её. Когда успела слинять? Присел, «браунинг» притулил между ног и весь подобрался, весь наготове, пытаюсь унять одышку. Разом колыхнулись жёлтые листья ближней берёзы, и с гибельным восторгом обнаруживаю — она! Явилась на периферии, уселась на холодный валун и молчит. Быстро темнеет. Всё, что днём играло красками, сейчас уже серое. А через минуты станет чёрным. Эта сидит рядом и молчит. Но я-то знаю: если не дать бабе выговориться, оттого только хуже будет. А коли пробрешется, можно спокойно идти дальше. Только в этом случае перестанет преследовать и чинить в пути стандартные, дежурные козни.

— Ну... — не оборачиваясь, заговорил с призраком, не узнавая своего голоса. Лишь бы не молчать. И так жути на меня нагнала. — Я ведь думал, ты вместе с Охлопковым сгорела на хрен... Словом... словом, надеялся перед возвращением на Кавказ хоть здесь от тебя отдохнуть. Однако не видать мне покоя. Когда уже тебя ваши черти приберут или заменят на путёвого мужика. Я ж просил тебя похлопотать по моему вопросу перед начальством...

— Вот что я думаю... — легко перебила меня Ч. И в ту же секунду я подчинился её воле, да и не способен был в

этих серых сумерках кому-либо что-то хоть в малости, не в главном диктовать. Жуть какая-то. — ... Ты про Сеату да про Плетнёва масло в голове гонял. А ведь ты и увёл её у Мухина, чтобы Глыбу удивить: мол, гляди, Плетя, вон какую тёлку в стайку загнал, хошь, попользуйся, душковский лузерок... А ведь, по существу, ты есть тупорылый неудачник. Я ведь наблюдаю, в каком состоянии твоя шишковидная железа, отвечающая за интеллект и чувственность высшего порядка. Предатрофийное состояние! Ты должен мобилизоваться и выйти за пределы обычного сознания. Посмотри на Плетнёва, на Субботина, на Бо, на Огольцова и других из её окружения. У каждого из них 360 чувств, как у древних людей. А тебе знакомы только пять. И она видит, что всего пять! Видит! Понимаешь, в нашем сознании существует потайная дверца. За нею открывается способность настраиваться к максимально чувственному восприятию. А ты не можешь выйти за пределы обычного сознания. Противно наблюдать за тобой, законченным лузером...

— А иди-ка ты знаешь куда! — Впервые за двадцать с лишком лет я не совладал с собой и накричал на Ч. Но ведь достала! Взяв карабин на ремень, с включенным фонарём почти бегом бросился к табору, чтобы переполошить толпу, сорваться и рвануть в Благовещенск. Бегу и прикидываю, каким образом должен буду объяснить им, что живности нет и следует немедленно отправиться домой. Конечно, никто мне не поверит. Но что делать? Надо ехать, чтобы встретиться с Глыбой и как следует поговорить с ним. Что он себе позволяет! 360 чувств у него, видите ли! И потом что себе позволяет эта Ч?! «Ты не способен выйти за пределы обычного сознания...» От Сеаты я такое уже слышал, и не раз. После этих слов расставались на недели. Мука мученическая. Надо и с ней поговорить. Хватит уже прятаться за фальшивую немоту! Приказываю себе не думать больше ни о Ч, ни о Сеате, ни о всех её... И чтобы перебить, отодвинуть наваяние, как водится, читаю из не опубликованного ею, написанного уже здесь, в Ротании, когда впервые вернулись из тайги.

Ягодка к яголке — синяя, с белым налётом, —
Сбор голубики уже, говорят, отошёл.
Ровно гудят, как испытанные самолёты,
Тьмой комары над ненабранным звонким ковшом.
Синь-голубика!
Оттай! Отогрей мою душу!
Мне не успеть за владельцами полных корзин.
Синюю речку Синель я ходила послушать
Из голубичных просохших на солнце низин...
Август бродил — добирал предпоследние ночи,
Шарился зорями в мокрой траве по утрам.
Смолы текли из морщинистых тёплых проточин,
И голубику никто уже не собирал...
Синь-голубика!
Прости мне моё опозданье!..
Мне бы — до смерти запомнить, как здесь хорошо.
Бьётся Синель, как невеста с несметным приданым...
Жалко, что сбор голубики уже отошёл...

...Иду быстро, моментами бегу и проговариваю, проговариваю сразу врезавшиеся в память строки. Собствен-

но, давно уже приучил себя использовать в качестве тренажа чтение вслух её стихов с выражением, глядя перед собой, будто перед камерой.

Усталость чуть сковала мышцы, немного задыхаюсь. До табора с километр, может, полтора. С бега перешёл на быструю ходьбу, рассчитывая лучше сориентироваться и чуточку срезать путь. Но тогда придётся подняться на сопочку, спуститься, перейти вброд ключик Кипучий, отдалённо напоминающий Синель в малую воду. За ним неподалеку наша всегдашняя стоянка. Иду и громко разговариваю с собой, чтобы, если Ч и появится рядом, постараться заглушить этот спонтанно возникший животный страх перед ней, пройти дальше к табору. Там хвачу из бутылки и если не уболтаю ехать в город, то хоть выплещусь.

Вбегаю на сопку, стремительно сбегая по склону вниз к ключу, где рассчитываю перекурить, чтобы к табору идти, чуточку успокоив дыхание. Несусь будто потерпевший: ремень карабина цепляется за сучок, кубарем лечу вниз, не выпуская ремня из руки, выстрел, шок, гаснет свет.

Припомнить детали

... Не могу припомнить деталей картины. В углах её черно, по полотну гуляют светотени. Лежу на листве под дубком, рядом другие деревья. Звёзды. Холодно. Цепенеет правая нога. Что с ней? Пытаюсь пошевелить пальцами, всей ногой, меня в ту же секунду будто выключает. Проходит сколько-то минут, а может – часов, возвращаюсь. Те же деревья, звёзды, хлюпающий внизу ключ, я. Моя правая нога холодеет. Понимаю: мне не привиделось, и это не сюр. Опять пытаюсь пошевелить пальцами ног. Через некоторое время – не ясно, сколь прошло минут или часов – очнулся. Рука сжимает то, что на пороге болевого шока собрал под собой: траву, хвою, сухие листочки, мелкие сучья, жёлуди или мелкие камни. Внизу справа мокро. Кровь. Хочу пошевелить пальцами правой ноги и уже боюсь это сделать. Предыдущие попытки ни к чему хорошему не привели. Свет. Какой-то свет снизу. Пошарил рукой. Нашупал фонарь. Кое-как пальцами правой руки ухватился за пяточку фонаря, подтянул его ближе, взял в руку. Боюсь осветить раненую ногу, чтобы глянуть – что там. Посветил и обмер: от рваной колленки далее вниз нога развалена. Я заскулил, как Диоген, которого, как обжору, нахала и выскочку, взрослые собаки частенько трепали в детстве на участке артели. Завыл от боли и отчаяния: Лариоша, этого только тебе и не хватало! Проклятая Ч! Один короткий премерзкий разговор – и я в луже собственной крови. Пытаюсь уговорить себя успокоиться. Но откуда взяться рассудочности, если я понимаю, что двенадцатиграммовая пуля – совершенное немецкое изделие – вошла в коленную чашечку и развалила берцовые кости в труху, ощепки раздробленных костей вынесло наружу, и острые их края торчат из рванины брюк. Слов нет, останавливающая сила усиленного импортного патрона выше всякой критики. Но понимаю и другое: если бы пуля порвала крупную арте-

рию, шансов никаких не осталось бы – биологический насос способен выпнать кровь в считанные минуты. В этом случае амнезия, скоротечное угасание, смерть. Не могу сориентироваться, сколь времени лежу рядом со студенным ключом, стынть которого ощущается. Будь с нами в экипаже Серёга, тот уже давно вышел бы навстречу. И уж точно организовал бы поиски. Мысли в голове сменяют одна другую калейдоскопически. Но это всё не то. Практической пользы от этих мыслей никакой. Мороза на почве ещё нет. Однако внизу, у стылого ключа, на самом деле, прохладнее, чем на прогретой за день бочине сопки. Прикидываю, как бы без боли выбраться из распадка наверх. Предпринимаю попытку перевернуться на бок. Тотчас выключает острейшая боль.

«Много мяса»

... Очнулся под утро. Лежу на спине, с надеждой наблюдаю, как за сопкой светлеет. Уже, наверно, около семи. Если не искали ночью, то уж поутру что-то предпримут наверняка. Эх, я же толком их даже не знаю. Жали руки при встрече, назывались имена, но, хоть убей, не могу сейчас припомнить ни одного. Все какие-то... вижубуи. Ну да, водитель всё время откликался на имя Алексей. Я занял себя тем, что заставил напрячь мозги и вспомнить по именам всех. Водила – Алексей. Это точно. Батюшку все звали батюшкой. Пусть батюшкой и остаётся. Тот рыжий, который доктор, все его звали как-то смешно и знакомо. Ах, вот оно что: Перепелица. Значит, Максим. Раз Перепелица – значит, Макс. Хорошо, молодец, Гена. А как тех двоих? Один угрюмый и высокий. Адская боль! Посмотришь на коленку – жить не хочется. Отбегался соколик. Да, как там угрюмый? Кот! Другой, который блондинистый, они вместе тут из знакомой мне через кого-то компании охотников... Блондин угрюмого звал Кот. Котом звал. Что? Выходит, Костя? Я хорошо знал вратаря нашей футбольной команды мастеров Костю Козореза. Крепкий такой. Когда играет на выходе из ворот да выставит вперёд чугунную коленку, форварды соперников от него панически шарахаются. Не один на его коленке зубы оставил. С Котом в студенчестве играли на хоккейной коробке «в дыр-дыр» на двое маленьких ворот. На пиво бились. Два укороченных тайма по двадцать минут. До крови. Или чья команда первой забьёт двадцать голешников. Костю мы звали Котом. Забил двадцать – получай ведро пива «Колосок». Где Кот – там пиво. Сейчас бы пивка. Хоть бы и того «Колоска», что ли? Дерьмовое пиво, по правде говоря. Нет, холодненькое когда, то ничего. Холодненького бы... Облизал сухие губы, на которых отчего-то почувствовал запёкшуюся кровь. Так лететь по крутояру – неудивительно, что морду расписал. Ладно. В телевизоре мне больше не блистать, а Сеатка примет и такого.

– ... Может, примет. Может, нет... – Ч слева уселась на холмик муравейника и с интересом рассматривает. – Экие мы самоуверенные... Да-а, уделался ты капитально. – Розовые искорки в глазах Ч – это, как понимаю, от угасающей зари. – Сеатка твоя уже дома. Не бойся, Плет-

нёва с нею сейчас нет. Всё, что нужно и можно было сделать, он сделал. Сейчас с ней сидят Дарья и Настя. Вообще на заимке собралась куча народу. Ты вон вызвал из Куликана Ольгу с мальчишкой, она приехала, а папаша от неё да от сына своего единокровного сбежал на охоту. Сошла с утреннего поезда, стоит сейчас с неподъёмными сумками, с гостинцами куликанскими на вокзале сиротую, держит мальчишку за руку, потерянная, чуть не плачет. Я даже свою бабушку слезу уронила. Так жалко. Затем взяла, сердешная, такси. Долго водитель искал твой хутор, твою заимку. Кучу денег этому врагу насыпала в фуражку-восьмиклинку. Пришла к воротам. Дёргает верёвочку. Звонит медный колокольчик. Звонит и звонит. За воротами Диоген на цепи заливаётся, но никому из людей нет дела до Ольги с незаконнорождённым. Бабы впустили, куда уж деться, коли с ребёнком. Стоит в прихожей никому не желанная. Мальчишка почувал это, ревёт, соплю со слезьми растирает по раскосой мордахе. И вот так у тебя всегда. Хорошо ещё, Сеата лежащая, а то как захватила бы незаконную с незаконным выводком – и летели бы они до самого до стойбища Кости-охотоведа.

– Блин... забыл, что должна подъехать Ольга со Степаном. Чёрт! Ну, правда забыл. Правда! Слышь, ты... – выгнулся я в позвоночнике от отчаяния. И меня так прострелило болью, что тотчас полыхнуло в глазах. Отрубился. Очнулся, наверно, к полудню. Ч рядом – ровно там же, где устроила сидьбу в первую минуту. Сориентировался. Солнце отбрасывает тени в мою сторону. Значит, полдень. Но где люди? Почему меня не ищут? Дорога в километре от ключа. А там ещё по дороге до табора метров пятьсот. И редкие осенние мухи. Проклятые! Облепили рану и ползают по ней, насыщаются. Живо представил себе, как они обсеменяют рану яйцами и ждут момента, когда появятся личинки, всё время прилетая проверить, как идёт процесс. И деловито топают, топают своими ножищами по открытой ране. Беру хворостину и пытаюсь гонять мух, однако даже с этим справиться не могу. Они глядят на меня шальными глазами и хохочут так громко, что закладывает уши.

– Слышишь ты, ангел-хранитель! – пытаюсь говорить и понимаю, что из гортани не словами бросаю, а хрипом. Мне только кажется, что говорю. На самом деле каркаю, как вот тот ворон, усевшийся на ветке отдельно стоящей на мари берёзы. Сидит символ дикой тайги, сам себе бог и господин. Вроде собой занят, колобродит крыльями. То так их складёт, то иначе, и всё ему не нравится. По ветке перетаптывается, будто холодно его лапам, а то принимается что-то искать у себя под мышками – может, докучливых блох гоняет. То и дело поглядывает в мою сторону, на секунду задержит испытующий взгляд и тотчас почти виновато отвернётся: «Нет-нет, вы не подумайте чего, я не в претензии. Вы сами по себе, я сам по себе...» Но я-то понимаю, что даже в таком моём состоянии смогу шугануть приземлившегося рядом ворона, если вздумает чего-то от меня оторвать клювом. Да и Ч не даст пропасть. Я всё ещё на неё рассчитываю.

– Слышь? А где там мужики? Они хоть ищут меня или по новой водку пьянствуют со сранья?!

– Уже обед. Пообедали. Пошли чесать ерники, – флегматично ответила Ч. – Только что цепью прошли рядом с

тобой. Ты был в отключке. Их спины и сейчас вижу. Которого ты назвал Котом, тот, вижу, пощипал куст шиповника, куст пощипал его. Укололся дурачина. И дальше побрёл тот Кот. А его напарник блондин застрял на брусничнике. И его вижу. Флегматичный такой чел.

От устранённости Ч, от её наплевательского отношения к участи тяжелораненого у меня случился такой прилив отчаяния, что завизжал, забился и принялся орать вслед уходящим моим спасителям что было сил. Понимаю, что меня опять вырубит, и всё равно ору. Но тут меня осенило: в карабине есть три патрона. Я пошарил рукой, но рядом «браунинга» не оказалось. Пошарил левой ногой, делая амплитуду как можно больше – тоже без толку. Но ведь карабин обычно у меня на правом плече. Значит, и искать надо справа. Вытянул руку в сторону что было сил и нащупал-таки, нащупал ремень суперовой машины, коих в области на этот момент не больше пяти. Потянул за ремень, сколько-то помучился, и карабин оказался в руках. Раз был выстрел, который меня обездвижил, значит, в магазине остаются ещё три патрона. Поднял ствол, выстрелил в воздух. Дернул затвор ещё раз и вновь выстрелил. Очень хотелось мне поберечь последний патрон. Но тут уже делать нечего: мужики рядом, услышали или нет первые выстрелы? Наверно, услышали. Но удалось ли им сориентироваться, откуда прозвучал выстрел? В эту минуту товарищи наверняка остановились, сосредоточились, каждый из них превратился в большое ухо. Тут бы сделать акцент, показать, что я совсем рядом. И я пальнул в третий раз. Чтобы уж наверняка. Пуля чиркнула по стволу берёзы, срикошетила и ушла в сторону с характерным воем. Всё! Теперь пусть только не найдут меня, макаки... что Кот, что поп... Зарою! Пока восстанавливал дыхание, позволил себе чуточку похвалить себя: я молодец, я дотерпел. Только отчего ухмыляется Ч, мне непонятно. Я пытаюсь подначить её, хоть словом зацепить, чтобы прилило оптимизма. Мне он сейчас ох как необходим. А пока держу нервы в руках, отдавая этому остаток сил. Так тяжело мне ещё никогда не было. Спину давно, ещё с вечера, сковал лютый холод, и я её не чувю. Поэтому все манипуляции руками – через адскую боль. И я понимаю: даже если с ногой обойдётся – соберут её наши костоломы, что-то уберут совсем, что-то заменят на металл и в итоге поставят меня на ноги, – то воспаления лёгких мне не избежать, это точно. Сейчас главное – не уступить холоду. И я принимаюсь водить руками в стороны, делаю это столь неэнергично, будто в сильно замедленной съёмке, что Ч начинает всхлипывать от хохота. Ничего, дурёха, сейчас мужики подвалят, возьмут мою «мотороллу», это двухкилограммовое чудо связи, поднимутся на верхотуру сопки, свяжутся с городом, и «вертушка» меня заберёт. Да, важно, чтобы у врача санавиации была анестезия, ведь эту адскую боль терпеть становится невозможно.

– Слышь, подруга, напомнишь, когда наши будут звонить в город, чтобы сказали про анестезию. Больше анестезии!

– Ой, уморил... какая анестезия, какие «наши»? Они вон нажрались брусники и подались на табор. Послушай, что болтают: «Генка, наверно, уже ободрал вчерашнего изюбряка и теперь, вернувшись, сидит на таборе,

кофеёк попивает и нас, полоротых, материт». Сейчас вернутся на табор, примут по стакану, в свою очередь поматерят тебя за нерасторопность и самодеятельность и завалятся спать. Во сне будут ждать твоего мяса. Мно-о-о-го-о мяса. А ты сам – мясо! Ну, погляди, погляди на свою ногу... Разве что к вечеру опомнятся. А там ночь. Напомни, о какой там девушке со странным именем Анестезия ты мне говорил?

Дурацкая брехня Ч взбесила.

– Ты заткнёшься когда-нибудь – или мне пристрелить тебя?! – дернул затвор карабина, запрокинул голову сколь мог и пытаюсь выцелить в голову, но ствол болтается, будто я пробежал километр на пределе сил. И всё же, преодолевая лютую боль, выцелил и на задержке дыхания нажал на курок. Щелчок. Замогильная тишина. Только слышно шуршание и неровное пение странных птичек с пёстрыми крылышками, да ворон на берёзе совсем уж внимательно, чтобы не сказать заинтересованно, наблюдает за нашей с Ч суетой. Да уж, ворон – знаковый таёжный персонаж. Это вам не городские вороны. Те рядовые шугливые помоечники. Этот – реальный сильный и умный враг. В отчаянии отбросил карабин в сторону и стал прикидывать, нет ли у меня в карманах ещё пары-тройки патронов. Да хоть одного патрона. А и есть! Когда по приезде на место у импровизированного стола, нажравшись и напившись, мои приятели без разрешения принялись лапать «браунинг», в казённом был патрон. Подальше от греха я дернул на себя затвор, инжектор выбросил прочь латунного, почти золотого, ладного красавца, патрон упал под ноги. Подняв его, сунул подальше во внутренний карман. Но как тот патрон теперь достать? Это же надо снять куртку, что невозможно в принципе. Да меня элементарно сожрёт, уничтожит адская боль! Как движение – так на два часа вырубит, как движение – умри ещё на час-два, а ведь до ночи совсем недалеко. А если пожалует «босой», чем я с ним буду разговаривать? Какие у меня имеются аргументы? А он придёт. Ведь кровь чует за десять километров. По ключу запах распространяется быстро. По ключу и придёт. Обязательно надо достать патрон. Лариоша, надо вынуть патрон. В нём твоё спасение. Что стоило бы Ч сунуть руку мне под мышку и достать патрон, а? Нет, сидит в двух шагах и сверху рассматривает, как играют серебристые хариуски в ключе. А те и рады: наперегонки выпрыгивают из воды за мошками, и блики играющих рыб раскрашивают цветную таёжную жизнь ещё ярче. Для Ч она яркая. Для меня – серая, переходящая в чёрную. И какой-то странный шелест при возвращении из небытия в мир живых. Будто сухой прошлогодний галечник посунули старательской бутарой. И всё же пытаюсь заставить себя потерпеть боль. Переваливаюсь на правый бок. Терпеть этот ад нет сил. Боль до сполохов, до фейерверка в глазах. Кажется, снопы искр, брызжущие из глаз, подожгут тайгу. Как бы то ни было, запускаю руку в левый внутренний карман, но там патрона нет. О Боже! Зачем же я сунул его в карман, да ещё и дальше – в карманчик внутри кармана, который на липучке. Если ещё раз предприму попытку забраться в этакие дали, меня точно вырубят. Но откладывать нельзя. Совсем скоро сумерки, а за ними ночь, которую здесь мне не пережить, не сдюжить.

– Радуйся, Ларионов. Опять идут твои товарищи. Заблудились, что ли? – Ч сосредоточенно вглядывается в сумерки, куда теперь обратил взор и я, лежащий на стылой земле, почти лишённый возможности двигаться, отчаявшийся до крайности. Чу, кажется, слышу голоса. Вслушиваюсь, бросив все свои ничтожные ресурсы для того, чтобы услышать. Вроде переговариваются меж собой двое. Неспешно идут и негромко переговариваются. Я выгнул спину, с хрустом оторвав примёрзший к стылой земле позвоночник, чтобы больше набрать воздуха в лёгкие, и ору, чтобы услышали, остановились и забрали наконец меня. Ведь ещё одну ночь мне не пережить. У меня тяжело больна жена. Серёга мучается в плену. Сын растёт без отца. Ради и во имя сына услышьте, наконец, меня! А-а-а, э-э-э, а-а-а! От такого громкого крика с ближних ко мне деревьев должна слететь последняя листва, рокового ворона должна свалить звуковая волна.

Между тем ворон сидит на том же месте, а листву слегка ерошит поднимающийся от нагретой солнцем мари по ручью вверх тёплый воздух. Но ведь это мой последний шанс! Я проникаю рукой в карман, пальцами нащупываю липучку малого карманчика, воя и всхлипывая, проникаю и в него, указательным и средним кое-как беру патрон. И меня вырубает. Что уходил, понимаю, только когда пошёл шелест галечника по возвращении на землю. Уже ночь. С ужасом принимаю эту данность. Плачу. Сморкаюсь, неспособный смахнуть слезы и воду с лица. Собственно, мне это теперь и не нужно. Патрон сжимает рука. Но впереди длинная ночь. Ч рядом. Ключёт носом, кемарит. Временами встрепетается, глянет в мою сторону, жив ли ещё курилка, и вновь засыпает. Почему ей не холодно? Но ведь и не спросишь. Она всегда на периферии, вроде и рядом, а далеко. Правой рукой нащупываю металл карабина. «Браунинг» рядом. А мне казалось, что я забросил его туда далеко, к ключу. Ствол направлен мне под мышку. Беру за ременную скобу, подтягиваю оружие ближе. Небольшая передышка, беру «карабин в руки», отвожу затвор, вставляю патрон, досылаю его в ствол. Так-то лучше. Но как перемочь эту длинную ночь? Минимум двенадцать часов! Тяжело на тракторе крутиться весь световой день по полю, таская картофелекопалку да ещё матеря нерасторопных бабёнок и «негров» из хуторских бичей, работающих за подёнку, которую выдаю ежевечерне. Но какое это счастье – работать на своих гектарах! Я готов отдать этому занятию сколь угодно много времени, если б можно поменять прозябание перед финалом здесь на мучения на картофельном поле. Как я люблю своё поле. «Я люблю тебя, моё поле». Я люблю Дашутку, когда, повязав постароверчески платочек, она неспешно идёт по грядам, неся в ведре клубни. Такой я ей все обиды простил бы. Если б они у меня были. Люблю и Настю. Особенно Настю. Когда она идёт за трактором впереди своего хоровода из бывших, с кем мы работали ночами перед старательским сезоном. Я люблю раз в месяц привозить девочкам картоху в их общаги. И даже люблю переть грёбаные тяжеленные мешки на пятый этаж. Люблю привозить им ёлки под новогодний праздник, когда в комнате набивается студенческий народ, и парни-то все нормаль-

ные, играют на гитаре, поют тёплые и умные песни Визбора, и у меня подарок к празднику. Люблю Милу. Хотя всё чаще подумываю, что Серёга не совсем прав, когда говорит, будто вытащил из колоды бубновую даму. Когда вижу, как она помыкает своими пацанами, прикидываю – в эти минуты Милиция больше походит на даму крестей или даже пик. Люблю, когда Сеата сидит на мансарде и смотрит, как дружно мы работаем. Как я люблю эту жизнь! Но как я ненавижу эту адскую боль! Если я не перебинтую ногу, начнётся абсцесс, заражение. И может стать необратимым. Впервые я подумал, что на поясе у меня нож. Вынул его из ножен и прикидываю, как бы порезать на полоски рубаху, что под свитером. Рубаха чистая, утром надел. Нет, выходит, позавчера утром. Только начал резать рубаху, как меня прострелила острая боль от коленки вниз и вверх одновременно и отозвалась в позвоночнике. Я посветил фонарём в область колена, и от увиденного меня прострелило в позвоночник ещё раз. Как можно собрать это воедино? Это никогда уже не будет ногой! Провалиюсь тут до утра – и тогда верная гангрена. Что же, придётся вернуться на телевидение. Буду днями сидеть в винтовом кресле и формировать материалы для вечерних итоговых обзоров. Стану непьющим, злым, тормозным... все возненавидят меня. А может, Глыба – Сашка Плетнёв – к себе пристроит. У него в офисе половина бездельников. И ничего, притулились к тёплой печи, услуживают помаленьку и в ус не дуют. Когда шеф в офисе появится, готовы, кажется, повернуться к нему любым местом: отымей, кормилец, попользуйся ради доброго здоровьчика. А когда его нет, все эти прихлебатели – сама вальяжность. Не знаешь, как спросить этих стрельцов, этих бояр, какие подобрать слова, дабы не обидеть своей глупостью. А Сашки преимущественно-таки и нет. То он на руднике, то он на новой стройке, то в Белокаменной, а то и за рубежами с инвесторами договаривается. Тогда для этих прихлебателей наступает время релаксации. Словом, сплошная расслабуха. Мне с моей культёй в самый раз пристроиться замом по связям с общественностью. Скрип, скрип протезом, зевнул беззастенчиво во всю пасть: «Задавайте, господа, ваши банальные беспонтовые вопросы». Скрип-скрип: «Простите, но сегодня у предприятия не лучшие дни, сдача нового крупного объекта, каждый миллион долларов на счету... нету бобосов, господа», – издевательски развести руки в стороны и громко топнуть протезом. И так дальше. Можно спиной притулиться к той Сашкиной печи. Однако чем-то ведь придётся и жертвовать. Нет, ну не Сеатой, конечно. Вот и выходит: не работать мне у Глыбы.

И я стал вспоминать, как появился Новый Плетя-Глыба в области. Выставили на торги Сергеевское месторождение рудного золота. Разведанных запасов шестьдесят тонн. Требовалось найти инвестора, доразведать месторождение, а затем уже найти ещё более крупного партнёра. Инвестор сам по себе не объявился. Поскольку начало девяностых, в стране разврат и падение. И вот среди соискателей на право отработки золоторудного месторождения вижу фамилию Плетнёв. Это был период, когда мы с Сашкой созванивались совсем уж редко – раз два за год. В суете вокруг торгов возникла и его вновь

зарегистрированная компания, в которую вошли опытные мужики из едва живых селемджинских рудников. Опытные горняки. Академики. Сидят опытные в офисе, набычились, будто не верят во второе пришествие. А чтобы всё состоялось, и надо не менее чем второе пришествие. Но Глыба что-то вымутил на Британских островах, появились небольшие деньги, чтобы заплатить нешуточный бонус. Местная власть отчего-то решила, что все свои дыры в бюджете сможет закрыть разом тем бонусом. Дурачины проклятые. Но Глыба бросил им эту кость, заплатил. Получил рудное тело. Мужики, академики горных дел, опять сидят в офисе, ждут манны небесной. За ней, теперь уже в Канаду, отправился молодой, умный, англоговорящий симпатичный профессор Баумановки и гордость Душков Гэри Кук. Глыба. То есть, конечно, Плетнёв. И манна, пусть и невеликая, случилась. Пошло дело. Начали изыскания, доразведку, начали строить, замаячила перспектива золота. Большого золота. Невиданно большого в наших золотых краях золота. Академиков-горняков в офисе уже не вижу, радостно понимаю: Плетя зарядил их куда надо. Приезжаю на рудник. Тот парень, засланец от канадского инвестора, который ещё пару лет назад утром отправлялся на полигон в одной болоньевой курточке на синтепоне в наши-то морозы от сорока градусов, теперь сидит в скромном офисе на том же полигоне и долбит по клавишам ноутбука. О такой технике мы только слышали, но ещё не видели её. Вот тогда я приободрился. Всё меньше стал переживать за Глыбу. И всё больше гордиться. Попереживал, правда, ещё раз. Когда на рудном теле была построена золотоизвлекательная фабрика, всё оплажено, чтобы начать извлечение и получить наконец первый слиток лигатурного золота. Мельницы день и ночь мололи подвозимую крупнотоннажными грузовиками разборную скалу, то есть руду, тысячетонная куча монументально возлежала на подкладке из миллиметровой плёнки, пошёл процесс орошения кучи, и праздник вот-вот должен был состояться. Академики носятся по полигону. Бестолково суетится средней руки персонал. Профессор Баумановки сидит на трубе, через которую в коллектор должен поступать раствор связанного цианидом золота, и отупело, самозабвенно... нанотехнологично стучит огромным рожковым ключом, чтобы процесс подвигался шибче. Инвестор грызёт ногти. Я в волнении топчусь с камерой, поскольку хочется отснять, как всё происходило. Для истории. Что-то там не ладится. Академики бегают от агрегата к куче и от кучи к плавилке. Глыба в отчаянии продолжает стучать по трубе, благодаря сумасшедшему увеличению камеры вижу, как его лицо покрылось испариной и он что-то там себе привычно бухтит, будто голодная, ожидающая прихода ночи сова. Снимаю, и чувю: становлюсь крайним, виноватым. Ибо праздник всё никак не наступает. Психуют академики. Продолжает колотить по трубе, но уже нервничает Плетя. На грани нервного срыва засланец инвестора. Исчезли в плавильной комнате академики. Там рабочая суета. И вот старший из академиков, Ерёмченко, показался в двери плавилки и машет рукой – сначала Глыбе, а затем уже и мне. Идём нервно и быстро. Споткнувшись, падаю на бок с треногой в одной руке и камерой – в другой. Быстро встаю. Плетя меня не ждёт. Догоняю Сашку бегом. На бетонном полу

плавилки лежит и теряет температуру чёрный ошмётки шлака, а рядом он – слиток лигатуры килограммов в шесть. Есть первый! Глыба в соплях. И что-то привычно бухтит под нос. Засланец при смерти. Академики тянут лыбу. Они такого добра навидались. Всё получилось.

И пошла контора варить слитки один за другим. Глыба, понятно, продолжает разговаривать сам с собой и бухтеть себе под нос. Но уже по другому поводу. Надо больше. Ещё больше. Больше всех. Это, понимаете ли, Глыба, это Гэри Кук.

Хорошо думать про Сашку. Действует как обезболивающее. Но теперь со мной творится нечто новое. Первые сутки лежания на стылой земле, даже и в утеплённой куртке и брюках, под которыми белье, мне дались относительно легко. Теперь холод берёт своё. Меня колотит так, что лязгают зубы. Организм перестаёт сопротивляться. Это и не удивительно. У всякого ресурса есть предел. Плетина куча обычно выдаёт пятьсот килограммов драгоценного металла – и наступает момент, когда по системе труб жидкий цианид в коллектор золота уже не несёт. Значит, кучу надо убрать, а на её место насыпать другую. И всё повторится. Мне на этой стылой земле смены нет уже вторые сутки. И не похоже, что она явится в ночь. Значит, бедовать до утра. Исступлённо трястись, как колотится далеко зашедший в своём сомнительном раю наркоман без дозы. Временами колотун утихает и даже боль уходит, становится настолько хорошо, что невольно отпускаю воду и тогда уже совсем тепло. Откуда вода, если я больше суток не пью? Выходит, это побочный продукт борьбы за выживание организма. Надо будет спросить об этом доктора Субботина.

«Босой»

Справа, показалось, блики далёкого фонаря. Я запаниковал, что мои товарищи снова пришли меня выручать, а я не готов их встретить, рискую не успеть им шумнуть. Я дернул затвор, и патрон, как придурочный, выпрыгнул и полетел в кустарник. Забыл, что патрон-то я дослал в патронник. Этого мне только не хватало! Тотчас нашарил фонарь, благо он под рукой. Осветил место, куда патрон улетел. Я вижу его. Однако батарейки уже настолько подсели, что в следующий раз могут сильной фонарной лампочке и отказать. Вижу патрон. Он в метре. Но – о ужас! – на границе слабого освещения морда. Трясучка тотчас прекратилась, и я заскулил, как собака, чья лапа попала под колесо автомобиля. «Босой!» Хотя я ведь предвидел, что рано или поздно он явится. Даже если бы косолапый меня и не почуял там, где-то на солнечной стороне сопки или в мари в ягоднике, ворон так долго сидел на берёзе, что мишка не мог не сориентироваться. У них в тайге обратная связь налажена лучше, чем у людей на бытовом уровне. Выключаю фонарь и прислушиваюсь. Едва ли осторожный зверь тотчас бросится рвать лёгкую добычу. Я для него тоже зверь. Причём малоизученный. Будет ходить кругами, ждать, смотреть, прислушиваться, прежде чем приступит к решительным действиям. В сентябре он сыт. В окрестностях

богатые ягодники. Нагуляет аппетит, вот тогда может и напасть. Но скорее подождёт, когда я совсем затихну. Если сейчас начнёшь шарить рукой по траве, пытаясь поднять патрон, подумает ещё, что явился конкурент и следует поспешить. Не дай бог. А Ч сидит пообочь. Спит. Не слышит, что ли? Косолапый шумно втянул в себя воздух, понюхал. Кровь совсем рядом. Да, сыт. Но запас ещё никому жизни не испортил. Добычу надо брать. Поэтому рыжий неспешно подвинулся ко мне. Я опустил руку в карман и нашупал спички. Надо шугануть «босого» огнём. Зажёг спичку, поднёс её к вороху мелких валежин, травы и сучьев, приготовленных заранее, на крайний случай, ещё и с тем чтобы погреться, пока выполняю хоть какую-то небольшую работу. Однако огонь не произвёл на косолапого большого впечатления: стоит прочно на четырёх лапах и сквозь пламя глядит на меня. Но тут запаниковал я: пламя быстро поднялось и стало лизать траву и кустарники вокруг. Я предпринимаю судорожную попытку загасить огонь, и мне с большим трудом удаётся этого добиться. В огне сухая тайга сгорит быстро, да и сам сгоришь. Вон люди о двух здоровых ногах в пламени обгорают настолько, что родные не могут их опознать. А тут лежачий. От напряжения и боли вырубил. Будто во мне образовалось некое сложное электронное устройство, тонко фиксирующее предел боли и немедленно отключающее сознание, стоит мне этот предел перейти. Сколько я был в отключке? Эта мысль заняла всё моё сознание в момент возвращения. Если час, может, меня уже и нет. Включаю фонарь. Он уже не добивает до места, где в последний раз светились глаза косолапого. Сдохло светило. Шорох вверху над головой, и я с ужасом понимаю, что медведь там, рядом с муравейником, где дежурит в ожидании непонятно чего Ч. Мой ангел-хранитель. Пытаюсь шуметь, кричать, бросать листву, с треском ломать сушняк. На кого-то моя нешуточная экспрессия, может, и произвела бы впечатление. Но не на рыжего. В языках пламени было видно, что это трёхлетка. Ещё не матёрый, не совсем взрослый. Однако в нём под два центнера, а челюсти его представляют собой страшную машину. Я уже подумал: может, «босой» пришёл отомстить мне за того, огромного, которого мы с Ди взяли на участке артели? Может – за Мухина? Что ж, наверно, справедливо. Но не сейчас. Надо выручать Серёгу. Тем временем мишка переместился на прежнее место, где некоторое время назад я его и рассмотрел за языками пламени. Беру в руку фонарь, целюсь в чёрную башку, собираю в кулак силёнки и на третьем махе, как мне казалось, прицельно бросаю. Что такое? Фонарь даже не долетает до цели. Бросок вышел неуклюжим. Медведь придвинулся к фонарю, обнюхал его и вернулся на прежнее место. Я это не столько вижу, сколько слышу и ощущаю. Чем бы в него метнуть ещё? Дурацкой бесполезной «мотороллой»? Весом она килограмма два с лишком. Что с неё толку, если здесь, в распадке, с трёх сторон зажато крутыми сопками с каменистыми обнажениями, она не подаёт признаков жизни! При следующем поползновении метну медведю в башку, а там будь что будет. Между тем косолапый что-то там прикинул в своей башке. Недвижно постоял пару минут. Что-то выс-

мотрел, глядя вверх по склону. И свалил. Некоторое время было слышно, как, пыхтя, разговаривая сам с собой, хозяин тайги медленно идёт вверх по ключу. Возможно, к месту своей дневной лѐжки на южном склоне. И я подумал, что, наверное, приближается рассвет. Не тут-то было. Тоший месяц вывалился из-за сопки и стал перед глазами, чтобы я, не дай бог, не подумал, что перевалило за полночь. Пока я предпринимал психоделические атаки на медведя, оставался в тонусе, боль стихла. Но сейчас она взяла своё. Отчаяние и невыносимая ноющая боль столь мощно навалились, что начал подумывать о последнем шаге. Сделать его я волен, если смогу достать карабин. Попытки добраться до него измотали. Но своего добился. Проверил, в каком положении предохранитель. Убедился, что установлен на выстрел. Всклипывая, постанывая, плача, подвёл ствол снизу к горлу – так, чтобы вынесло напрочь мозги и уже без вариантов. Нет слов, в останавливающей силе немецкого патрона убедился лучше любого под этой луной. Могу стать экспертом производителя. Однако мою решимость перебила предательская мыслишка. В известном смысле меркантильная мыслишка: кто будет производить выплаты по кредитам за сельхозтехнику, расписанные на десять лет вперёд? Сеата? Или, может, мой сын Стѣпка? И я отложил карабин подальше, страшась даже прикасаться к нему. А ведь в какой-то момент указательный палец скользнул по курку, я потѣр им по ребристому металлу и готов был уже покончить с мучениями на этом свете. Но про кредиты – суровый аргумент. Между тем боль не отступает. Катаюсь на спине по малой амплитуде вправо-влево, чтобы согреться. Скулю, вою, пытаюсь хоть как-то унять, успокоить боль. «Если это мне за Мухина, то я уже достаточно натерпелся хоть на частичное искушение. Дайте чуточку передохнуть, и я буду готов ещё не раз такое перетерпеть. Но только дайте короткую передышку. Если за Сеату мучение – извольте, ещё повою! Лишь бы ей было хоть чуточку легче». Но это слова. Всего лишь слова. А терпеть приходится здесь и сейчас. Нашупал карабин, подтянул его ближе. Проверил, как установлен предохранитель. Установлен на стрельбу. Подвёл к горлу. И тут из того же самого шелеста, предупреждающего новое действие или переход из одного состояния в другое, появился образ бабушки Анны. Уже готов был спустить курок, и решительность моя вознеслась над тайгой ещё выше, чем в первый раз. Между тем бабуля, графинюшка моя без титула, глянула в глаза и тихо произнесла: «Геночка, унучек мой родненькой, ты ведь обещал, что будешь жить до ста лет. Холодовы все живут долго. Ты, видно, забыл, что мы – Холодовы. Ни перед кем и ни перед чем не гнѣм спину. И потом ты ведь, унучек, обещал мне земли под грядочки. Землицы обещал, или забыл?..» – подняла бабуля указательный палец до уровня переносицы. И тем же образом с шелестом ушла в другое измерение.

Аккуратно, успокаивая тремор, отложил карабин в сторону. Дело вроде к рассвету, а боль усиливается. Те пределы, с которых началась наша схватка с нею, расши-

рены. Порог терпения всё выше. Но коли отказал себе в том, чтобы уйти, и раз, и два, теперь дотерплю. Лишь бы не вернулся рыжий. Впрочем, один патрон у меня есть.

Стоило подумать, как по утреннему инею, едва-едва посеребрившему листву, сверху сполз косолапый. Небо немного сереет, и хорошо виден его силуэт. В этот раз рыжий прямиком направляется в мою сторону. Видно, решился. Да и время завтрака. Но стоило ему приблизиться на три шага, как я метнул в него «Мотороллу». Попал прямиком в лобешник. Михайло остановился, удивился, будто с открытой душой и распостѣртыми объятиями шѣл поздороваться и обнять, а его послали. Вот так с обидой на морде, едва спрятанной в маленьких, иногда бликующих глазах, повернулся и ушѣл прочь. Больше его не видел.

С отключениями сознания прошѣл и новый день. Обнаружили меня часа в четыре пополудни. Случайно. Вернулись к шибко впечатлившему их накануне брусничнику. А тут неподалеку я раскорячился. Удивились. Сами признались, что наткнулись случайно. Поругали – мол, не кричал, не стрелял, не звал, «напрасно сам рассчитывал справиться». Однако, быстро оценив ситуацию, засуетились, заспешили. Предприняли попытку вынести тело к автомобилю, оставленному в пятистах метрах на дороге. Но я отказал им в счастье быстро обтяпать дельце и скорей вернуться к брусничнику, осознавая, что в этот раз от боли точно умру. Ведь сил для борьбы с нею не осталось. Позвонили по мобильному охотоведу Ивану Рязских. Он из тех, кто непременно выручит. Большой вертолѣт на марь не посадишь, нужен двухместный. Иван без промедления сообразил маленький. Кое-как, измученного, с запасом и даже с перебором обколотого анестетиками, затолкали меня в крылатого извозчика и вывезли в областную больницу. Лѣжа на больничной койке, не раз мысленно поклонился бабушке Анне Холодовой. Я ведь совсем уж готов был уйти: мысленно переделался во всё чистое и вроде даже предстал перед апостолами. Замечу, встретили они постояльца без радости. Бабушка завернула меня перед самыми воротами: «Бывалча, надену ботиночки коришневые да в церкву с мамкой, отцом, с братьями-сѣстрами...» До чего же сильный народ выковала первая половина уходящего двадцатого...

А доктору в первый же день объявил, что я в его распоряжении всего на два месяца. Мало? И так, мол, дал тебе срок с запасом... смотри у меня, коновал. А то ить надо спешить – выручать Серѣгу. Однако бестолковый док будто недопонял, а в довершение обозвал сумасшедшим.

– Слышь, циркач, ты ведь чудом остался жив. Попади пуля миллиметром левее, в артерию, кровь выгнало бы в минуту. Амнезия. Смерть. Ты и сейчас ещё на этот свет опираешься лишь пяткой левой ноги. За твою жизнь бороться и бороться. Ногу хорошо бы сохранить. Словом, не доставай меня, парень.

Ч с момента бегства медведя я не видел. Чем уж таким её обидел?